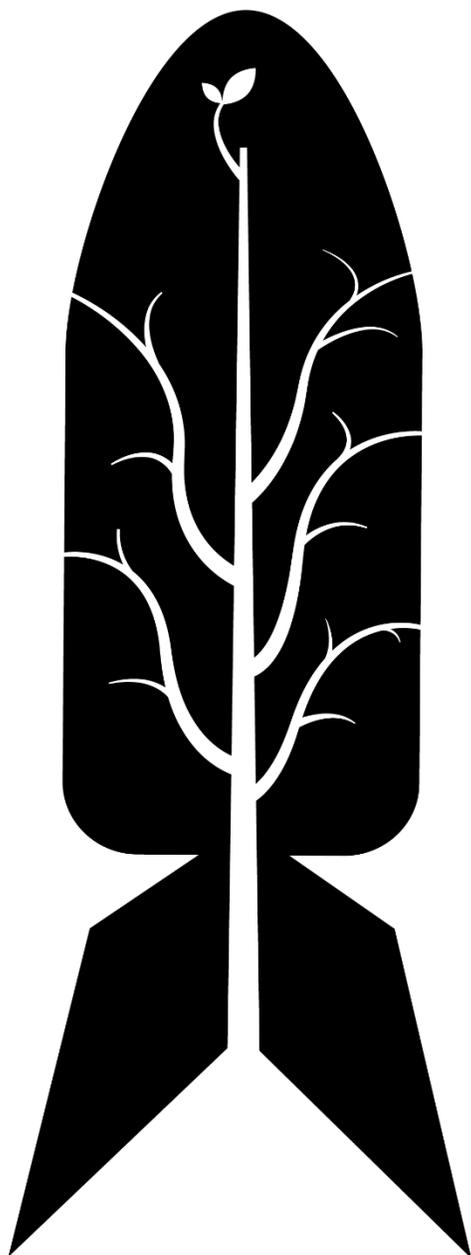

UWEC WORK GROUP issue

U W

E C

**Ukraine War
Environmental
Consequences
Work Group**

*Выпуск # 9
2022 UWEC work group*

Дорогие друзья!

В ноябре прошла конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, известная как COP27. В этом году она была омрачена военным вторжением России в Украину. Последовавшие за ним санкции и нарастание самого значительного со времен Холодной войны международного противостояния привели к тому, что достижение главных целей климатической политики – остановить увеличение приземной температуры на показателях 1.5 - 2 градуса Цельсия – было поставлено под сомнение. Стало непонятно, как страны смогут договориться в той ситуации, когда один из главных эмитентов парниковых газов (Россия) осуществляет военное вторжение в соседнее государство.

Тем не менее тема войны не стала ключевой на встрече в Шарм-эль-Шейхе. Страны смогли договориться о создании финансового трека компенсации «Потеря и ущерб» («Loss and Damage») для государств, сильнее всего страдающих от изменения климата и не имеющих финансовой возможности к этому процессу адаптироваться. Однако в области новых целей по сокращению выбросов и постепенному снижению использования ископаемого топлива саммит серьезных прорывов не принес.

Так или иначе о войне на COP говорили. В частности, в рамках работы украинского павильона, который был впервые представлен на саммите.

Специально для UWEC Work Group **Татьяна Жавжарова** из Украинской Климатической Сети (Українська Кліматична Мережа) подготовила текст, в котором рассказала об основных мероприятиях, проведенных в рамках павильона. Так, впервые были названы объемы дополнительных выбросов парниковых газов, вызванные военным вторжением, и составившие 82.8 миллиона тонн CO₂. Этот показатель сопоставим с эмиссией некоторых отдельных государств и является результатом лишь предварительных подсчетов. Причем речь идет о мониторинге только украинской стороны. Россия свои данные не предоставляет.

Что примечательно, во время работы павильона значительное внимание было уделено вопросам восстановления Украины. В его основу планируется положить не только «зелёные» решения, такие как энергетическая независимость, устойчивая экономика и ВИЭ, но и принципы справедливой трансформации и гендерного равенства.

- [Что привезла Украина с COP27. Результаты величайшего климатического события мира](#)

В отличие от Украины, российская делегация запомнилась не столько мыслями о будущем, сколько нежеланием отказываться от прошлого. Выступив на саммите достаточно тихо, без громких заявлений и своего отдельного павильона, представители России вновь сообщили о неготовности отказаться от углеродного топлива, лоббировали атомную энергетику и отметились достаточно неоднозначными высказываниями.

Например, о том, что влияние человека на изменение климата может быть поставлено под сомнение, а также предложением сыграть в хоккей на ледоколе в Арктике.

- [COP 27: Россия недовольна санкциями. Но признавать их причину не намерена](#)

Главное выступление российской делегации на COP прошло в те дни, когда гражданская инфраструктура Украины подверглась самому массированному обстрелу. Множество домов, больниц, очистных сооружений, предприятий и других объектов были обесточены. В результате этого и последующих обстрелов в экстренном режиме на время была остановлена работа всех АЭС в Украине. Это стало одной из причин гражданских акций протеста против выступления России на саммите. Активной участницей акций стала **Светлана Романко**, координаторка кампании Razom we stand. Предлагаем вашему вниманию текст интервью с ней, вышедшего в рамках подкаста Eurasian Climate Brief.

- [Интервью с Светланой Романко в рамках The Eurasian Climate Brief Podcast](#)

Подвести итоги COP-27 мы попросили соредакторку UWEC Work Group **Ангелину Давыдову**. Хотя война не стала главной темой саммита, очевидно, что она повлияла на принятие ряда решений. Опасения энергетического кризиса не позволили странам уже в этом году согласовать программу отказа от использования ископаемого топлива. Более того, сегодня остро стоит вопрос добычи газа в той же Африке. Также война и вызванные ею санкции провоцируют наращивание добычи ресурсов по всему миру. Таким образом вторжение России становится тем «слоном в комнате», которого многие стараются не замечать. Но который есть и непосредственно влияет на мировую климатическую политику.

- [Принцип хомяка и COP27. Как война изменила климатическую повестку?](#)

Мы будем продолжать следить за экологическими последствиями войны как на нашем [сайте](#), так и на страницах в [Twitter](#) и в [Facebook](#).

Сил вам и мира!

Редактор UWEC Work Group,
Алексей Овчинников

Что привезла Украина из COP27. Результаты величайшего климатического события мира

Татьяна Жавджарова

Страны мира планировали говорить о потерях и убытках. Украина – о последствиях войны для окружающей среды. И все ждали решения вопроса финансирования. Что же из этих ожиданий сбылось? Мы проанализировали важные решения COP27 для Украины.

Ожидания и реальность

Наибольшее достижение COP в этом году – договоренность о создании Фонда возмещения потерь и ущерба от последствий изменения климата. Это те потери, которых страны не могут избежать и к которым не способны адаптироваться. Например, поврежденная инфраструктура и имущество, а также поврежденные природные экосистемы или культурные активы. Однако мы еще не знаем, какие страны будут вносить средства в фонд, а какие будут иметь доступ к финансированию.

Пятьдесят пять наиболее уязвимых стран Юга и Океании давно нуждались в формировании механизма компенсации и именно «африканский» COP в Египте стал местом, где договоренность была заключена. Впрочем, с важным уточнением: более богатые страны G20 (которые собственно должны были оплачивать эти убытки) не могли договориться о том, кто и сколько должен заплатить. Так, Китай – вторая по величине экономика мира – платить отказался.

«Летом 2023 года состоится дополнительная встреча по разработке правил и процедур, чтобы на COP28 принять решение о функционировании этого фонда. Украина не будет одним из основных получателей средств, потому что многие страны мира терпят существенно большие убытки от изменения климата. Однако мы должны активно участвовать в разработке процедур, потому что они могут потом применяться и к другим фондам по распределению финансирования», – пояснила **Светлана Гринчук**, заместитель Министра защиты окружающей среды и природных ресурсов Украины.

Скептики считают, что преждем чем начнется работа Фонда потребуется еще несколько лет. В качестве доказательств приводится информация о том, что обещанные в прошлом году уязвимым странам 100 миллиардов климатического финансирования до сих пор не были предоставлены.

Снова на COP27 озвучивались намерения сокращать использование угля, а в рамках Партнерства для справедливого энергетического перехода выделили финансирование для реформы энергетики в странах «третьего мира», зависимых от угля.

«После предыдущего COP страны договорились обновить свои обязательства по удержанию роста средней глобальной температуры на уровне 1,5, но мало стран это сделали. Более того, на COP27 были замечены попытки склонить дискуссию к понижению амбиций, чтобы остановиться на 2 градусах. Мало было сделано в сфере адаптации к изменению климата, в детализации предварительных механизмов возмещения потерь и ущерба», – оценил результативность **Максим Бабаев**, координатор Украинской климатической сети (УКМ).

Для Украины на COP27 интересным было также привлечение внимания мира к повреждениям и убыткам, которые принесла война, и поиск финансирования будущего «зеленого восстановления» за счет климатических средств. Украина планировала активные переговоры с другими странами по поводу рыночных и нерыночных механизмов регулирования выбросов парниковых газов. В частности, она еще со времен Киотского протокола интересуется запуском углеродных рынков и надеется получать финансирование на развитие чистых технологий за счет продажи квот. Ведь из-за войны в стране наблюдается спад промышленности и угольной генерации, а также отмена авиарейсов, что позволило снизить выбросы углерода даже больше, чем планировалось. Инициированный Парижским соглашением углеродный рынок до сих пор не работает и согласование технических правил его работы продолжается.

Гринчук отмечает, что на саммите ожидалось больше договоренностей в сфере адаптации. Так, к COP28 должны быть подготовлены решения о глобальной цели по адаптации и потому уже сегодня нарабатываются решения об удвоении глобального финансирования в этом направлении.

Из нового: помимо развития ВИЭ, в переговорах появилась формулировка «низкоуглеродные энергетические системы», что может означать инвестиции в атомную энергетику или проекты по улавливанию углерода.

Что Украине удалось донести до мира на COP27?

Тема войны в Украине не была предметом переговоров Саммита лидеров, но фактически во все дни достаточно живо обсуждалось влияние войны на европейскую энергетическую безопасность и глобальную климатическую справедливость.

В своей речи, которую цитировали все крупные деловые издания, Президент Украины Владимир Зеленский заявил мировым лидерам, что именно российское вторжение повлекло за собой энергетический кризис, заставивший десятки стран возобновить производство электроэнергии на угле. Однако общий ответ Запада можно выразить словами президента Франции Эмануэля Макрона: «Мы не будем жертвовать климатическими целями из-за войны в Украине».

Украина впервые за все годы COP имела свой павильон, оформленный в виде воронки от снаряда. Однако на мероприятиях, проходивших в рамках его рассказывалось не только о влиянии войны на окружающую среду.

«В этом году состоялась особенная синергия и сотрудничество всех стейкхолдеров – государства, бизнеса и общественности – и мы выступили единым фронтом, освещая проблемные вопросы», – отметила Светлана Гринчук.

COP27 был разделен на тематические дни, когда обсуждались разные проблемы, и Украина представила свою позицию по каждой теме. Первый Украинский павильон был одним из самых посещаемых, около трех – четырех событий и 300 посетителей ежедневно.

Представители Украины рассказывали миру о последствиях войны для окружающей среды и климата, увеличении выбросов углерода от войны, о влиянии войны на европейскую климатическую политику и на продовольственную безопасность в мире, о ВИЭ и водороде.

На мероприятии «Влияние российско-украинской войны на климатические политики Европы и дальнейшие действия» эксперты пришли к мнению, что в настоящее время Европа столкнулась со значительными вызовами, которые заставили стать более независимыми от российского ископаемого топлива.

Андрей Илас, аналитик финского Центра исследований энергетики и чистого воздуха (CREA) отметил, что ориентировочно 30% рыночной стоимости российского ископаемого топлива попадает в государственную казну России. Именно российская агрессия привела к повышению цен на ископаемое топливо и стимулировала декарбонизацию, считают европейцы.

«Российское вторжение стало реальным толчком для Евросоюза чтобы мы отказались от ископаемого топлива и инвестировали в возобновляемые источники энергии. Также серьезным вызовом для нас станет восстановление Украины», – отметила директор SAN Егоре **Киара Мартинелли**, модерировавшая мероприятие.

Другой проблемой для Украины является усложнение подсчета и верификации выбросов, вызванных российско-украинской войной. Об этом говорили на сайд-ивенте «Работа с военными и конфликтными выбросами в соответствии с РКИК ООН», где представили исследование «Последствия для климата вторжения России в Украину» ([Climate damage caused by russia's war in Ukraine](#)).

Так, в течение семи месяцев, начиная с февраля 2022 года, общий объем выбросов углерода составил 82,8 млн. тонн, из них в следствие пожаров – 23,8 млн. тонн CO₂, в следствие боевых действий – 8,9 млн. тонн CO₂, по причине движения внутриперемещенных лиц и беженцев. – 1,4 млн тонн CO₂. Но к еще большим выбросам приведет восстановление объектов гражданской инфраструктуры – 48,7 млн тонн CO₂.

Об этом рассказали представители Министерства защиты окружающей среды и природных ресурсов Украины вместе с проектом APENA3 на мероприятии «Отходы войны: вызовы для Украины, влияние на окружающую среду и климат».

«Мы еще раз заявили всем нашим мировым партнерам, что проблема восстановления Украины стоит сейчас неотложно. Отходы после разрушений зданий, инфраструктурных объектов, военные отходы оказывают большое влияние на окружающую среду и изменение климата. Загрязняются почвы, вода, страдают люди. Чем больше таких отходов будет появляться и не будет повторно использоваться, тем больше это повлияет на окружающую среду и жизнь», – отметила юрист реформы управления отходами RST Министерства защиты окружающей среды и природных ресурсов Украины **Елена Вусик**. – *«Мы не можем справиться сами и нуждаемся в помощи всего мира».*

За первые два месяца полномасштабной войны в Украине было произведено примерно 15,2 млрд тонн отходов (разрушенные или поврежденные дома) и более 325 000 тонн отходов составила сгоревшая российская техника.

В Украине сформирован проект решения по обращению с отходами, образованных военными разрушениями, который в целом предусматривает вопросы переработки таких отходов, повторное их использование и складирование. Украинская сторона призвала международных экспертов присоединиться к разработке документа, поскольку Украина уже не первая страна в мире, где встал вопрос о правильной утилизации отходов войны.

Весьма неожиданным было обсуждение роли гендерного равенства как возможности и условия декарбонизации и зеленого восстановления.

«Зеленое восстановление может быть использовано как исходная точка не только для декарбонизации и экологической модернизации, но и для социальных трансформаций», - отметила координатор программы «Изменение климата и энергетическая политика» Фонда им. Генриха Белля, Бюро Киев – Украина **Оксана Алиева**.

Украина была активной и в день сельского хозяйства, потому что война разрушила привычную логистику и влечет за собой нехватку и подорожание продовольствия для стран Юга. Подсчитано, что 70 млн человек будут иметь проблемы с продовольствием из-за войны в Украине. Значительное внимание уделялось потребности поддержки

агросектора, Зеленым Зерновым путям и мелиорации для адаптации сельского хозяйства Украины к засухе.

Другая встреча была прошла под темой «Усиление энергетической безопасности с помощью решений на основе локальной возобновляемой энергетики». Это то решение, которое украинская общественность и экспертная среда считают оптимальным для уменьшения зависимости от угля и российских нефти и газа.

Максим Бабаев, координатор УКМ, произнес кредо: *«Граждане и общины имеют право доступа к электроэнергии независимо от того, что происходит в мире».*

Также эксперт привел примеры того, как мини-СЭС помогли населению пережить оккупацию.

Депутат Европарламента от Германии **Михаэль Блосс** отметил, что ВИЭ сейчас получили четкую маркировку «энергии мира». ЕС налаживает практики энергетической независимости, особенное место среди которых занимают программы European Green Deal и RePower EU.

Однако для преодоления этого вызова нужно создать совсем другой рынок энергии, максимально децентрализовать энергоснабжение, осуществить реформу дизайна энергетического рынка и поддерживать локальные общины в производстве собственной энергии из ВИЭ. Также в повестке дня, по словам депутата, остается вопрос того, как ЕС может помочь Украине пережить войну.

«Кроме анализа последствий вторжения нам удалось продемонстрировать, что мы не живем только войной, что у нас масштабные планы на зеленое восстановление – климатически нейтральное с использованием зеленых технологий. И мы продемонстрировали, что готовы реформатировать экономику более дружественным для окружающей среды путем. Это очень положительно воспринял мир и было много предложений реальных проектов», – оценила Светлана Гринчук.

Что получила Украина от переговоров?

Наибольшую поддержку мира вызвала инициатива украинских властей по созданию глобальной платформы для оценки ущерба окружающей среде в результате войн. Как сообщает Минприроды, выбросы CO₂ в 2022 году в Украине из-за войны уже увеличились на 23% по сравнению с 2021 годом. Украина уже разработала семь методик расчета вреда для окружающей среды, которые признаны и применяются в Украине, но не за ее пределами. Всемирный банк представил собственное исследование «Быстрая оценка причиненного ущерба и потребностей на восстановление». Dixi group тоже представили свое исследование «100 дней войны: вызовы для окружающей среды Украины».

США предложили свою поддержку, чтобы эти подходы были не только украинскими, но и максимально учитывали опыт и требования других стран международного сообщества. Чтобы можно было максимально использовать данные оценки ущерба в международных судах.

«Мы получаем техническую и консультативную поддержку ЕС. Нарбатываем меморандум по юридическому сопровождению и подготовке исков в международные суды. Мы должны показать, что война – это дорого и она приводит к значительному ущербу окружающей среды и финансовым потерям» - объясняет Гринчук.

Украина презентовала на COP27 еще и новый инструмент послевоенного восстановления Украины – Климатический_офис.

«Идея создания климатического офиса возникла несколько лет назад. Европейская комиссия готова помогать в реализации идеи через GIZ. Целью будет предоставление консультационной поддержки, расширение институциональной способности в реализации климатической политики не только Минприроды, но и других министерств», – рассказала Гринчук.

Общественность отметила лоббирование интересов агробизнеса и большое внимание правительства к созданию «[Зеленых зерновых коридоров](#)» для экспорта продовольствия из Украины.

«Что касается зеленых зерновых путей, то мы должны объединить все страны, восстановить логистику, пострадавшую от войны», – отметила Гринчук.

Также на саммите анонсировалась постепенная замена автотранспорта на электротранспорт или транспорт с водородным двигателем.

«Помимо межгосударственного переговорного процесса, COP является концентрацией опыта, результатов исследований, наработанных методологий, новых идей, перспективных планов со всего мира» – подвел итоги **Александр Муляр**, руководитель проекта «Поддержка зеленого восстановления в Украине» ПРООН. – *«К сожалению, идет война и есть неотложные вопросы, к решению которых присоединяется ООН. Но мы не можем допустить отставания Украины от других».*

Важным был вопрос альтернативных источников энергии, связанный с энергетической безопасностью. Очень перспективна чистая энергия из биомассы для Украины как аграрной страны. Обсуждался вопрос энергоэффективности общественных и частных зданий, управления отходами.

Чрезвычайным вызовом для Украины в этом и следующем году будет сбор и подготовка отчетности по выбросам парниковых газов. Минприроды совместно с Минэнерго продолжат обсуждать интегрированный план по энергетике и климату чтобы завершить процесс подготовки.

Формируется стратегия отказа от балансировки АЭС через угольные ТЭС, рассматривается переход на зеленый водород, распространение аккумуляторов в промышленных масштабах, гидроаккумулирующих станций, ветрогенерации, обсуждается управление спросом на электроэнергию и т.д.

Продолжается работа по единой методике подготовки региональных планов адаптации, которые должны быть интегрированы с планами восстановления.

Выводы COP27 для Украины

«Украина позиционирует себя как страна, которая берет курс на декарбонизацию, но которой не хватает четкого видения. Поэтому нужно наработать решения о том, как восстанавливать экономику, энергосистемы, испытывающие настолько сокрушительные удары. Понятно, что восстановление не может быть основано на старых технологиях и ископаемом топливе. Не хватает интегрированного подхода к развитию энергоснабжения страны без ископаемого топлива, без добычи угля. Ведь для этого нужно создавать целые новые отрасли экономики на основе возобновляемой энергетики», – заключает Олег Савицкий, эксперт Razom we stand.

«Всегда на COP есть много инициатив, но уровень воплощения их недостаточен, и наблюдается разрыв между планами и действительно реализуемым, – делает выводы Оксана Алиева, координатор программы «Изменение климата и энергетическая политика» Фонда им. Гайнриха Белля, Бюро Киев – Украина. – Соблюдение предварительно взятых на себя обязательств очень важно, и Украина неоднократно отмечала, что соблюдает предварительно взятые обязательства по сокращению выбросов».

По мнению экспертки, Украина находится в лучшем положении, чем страны Юга и Островные государства, поэтому нам нужно не только просить средства на восстановление, но и предлагать свои решения.

«В условиях, когда страны борются за климатическое финансирование, а показателем выступают имеющиеся или потенциальные последствия изменения климата для конкретной территории, Украина рискует оказаться в проигрышном положении, если займет исключительно позицию жертвы. Ведь в глазах мирового климатического сообщества она является индустриализированным государством, которое также несет ответственность за изменение климата и при этом менее уязвима к его последствиям», – анализирует Оксана Алиева.

Иллюстрация статьи: фотография из архива Ангилины Давыдовой

COP 27: Россия недовольна санкциями. Но признавать их причину не намерена

Иван Манн

На конференции ООН по климату COP27 Россия призывала развивать международное климатическое сотрудничество и не ставить технологических и торговых барьеров на пути низкоуглеродной продукции, не говоря напрямую о войне в Украине.

Климатическая политика и Россия

Россия – участница переговоров по климату с момента появления рамочной конвенции ООН. В климатической политике России были взлеты и падения, периоды отрицания сменялись озабоченностью и интересом, как это произошло в 2019 году, когда она в последний момент приняла Парижское соглашение по климату. До сих пор идут споры, с чем это было связано: с анонсированием трансграничного углеродного регулирования в ЕС, которое бы затронуло основных импортеров российских металлов, энергоносителей, или с ростом обеспокоенности среди населения.

Так или иначе Владимир Путин стал намного чаще обращаться к теме изменения климата, указывая на ее важность и необходимость сокращать выбросы. Хотя еще в 2020 году говорил, что ведущую роль в изменении климата все же играет солнечная активность, а человек в больших масштабах влияния не имеет.

Правительство даже расщедрилось на новые законы. Так, появились Стратегия низкоуглеродного развития экономики, «[сахалинский эксперимент](#)», закон о сокращении выбросов парниковых газов и много других подобных инициатив.

В прошлом году перед конференцией ООН в Глазго Путин анонсировал цель по достижению углеродной нейтральности к 2060 году, в последний момент присоединившись к общемировому тренду. На конференции в Глазго Россия вела себя сдержанно, но выражала приверженность цели удержать потепление в пределах 1,5 градусов.

Саммит в Египте

Климатическая конференция COP27 в этом году проходила в Шарм-эль-Шейхе. У экологических активистов было много вопросов к выбору места саммита, поскольку в Египте массово нарушаются права человека. Проведение конференции в этой стране воспринималось как попытка перевести фокус с проблем гражданского общества на лидерство в борьбе с изменением климата.

Российская делегация также пыталась использовать участие в конференции ООН чтобы показать, как санкции мешают выполнять климатические обязательства, а также продвинуть свой особый путь решения глобальной проблемы.

До чего договорились. Loss and damage

Финальную резолюцию страны-участницы принимали на рассвете в воскресенье. Уставшие переговорщики смогли договориться об одном положительном итоге – о создании фонда для компенсации потерь и ущерба от климатического кризиса уязвимым странам.

Это означает, что развитые страны, добившиеся успеха в первую очередь за счет бурного развития индустрии ископаемого топлива – основного источника не только денег, но и накопленных парниковых газов в атмосфере – взяли на себя обязательство платить за нанесенный ущерб наиболее уязвимым странам, которые уже несут значительные потери из-за природных катаклизмов, приводящих к огромному количеству жертв: наводнений, экстремальных волн жары и засухи, пожаров. В первую очередь речь идет о странах Глобального Юга.

Остается много вопросов: кто, сколько и когда переведет денег в этот фонд и какие конкретно страны признаются уязвимыми. Но радует то, что гипотетическое соглашение о 100 миллиардах долларов в год, принятое в Парижском соглашении в 2015 году, начинает реализовываться.

Место России в этом процессе неоднозначно, хотя с учетом показателей СССР она занимает третье место в мире по совокупным выбросам с начала индустриализации. Однако платить уязвимым странам она явно не собирается. Тем не менее страна всецело поддержала создание такого фонда и выразила солидарность с уязвимыми странам.

«Рост инфляции и государственного долга создает дополнительные сложности для развивающихся стран и делает как никогда важным наращивание объемов климатического финансирования и обеспечение упрощенного доступа к необходимым ресурсам. В особенно уязвимом положении находятся наименее развитые и малые развивающиеся государства. (...) Развитые страны должны на деле продемонстрировать свое лидерство и нарастить объем финансовых ресурсов и

*технологий, предоставляемых развивающимся странам», – заявил советник президента России по климату **Руслан Эдельгериев.***

До чего не договорились. Отказ от углеродного топлива

Что касается отказа от добычи ископаемого топлива, одного из главных источников выбросов, тут все менее однозначно. Страны-участницы по-прежнему поддерживают цель Парижского соглашения по ограничению повышения температуры до 1,5 градусов, но на практике не готовы на быстрое сокращение использования угля, нефти и газа.

США и арабские страны согласны на сокращение угля, потому что у них есть нефть. Угольные страны – Китай и Индия – в ответ на это предложили сократить использование «всех ископаемых видов топлива». В конце концов, проект отказа от ископаемого топлива не продвинулся ни в каком направлении.

Когда вносились правки в финальные решения COP 27, делегация России, до этого активно не выступавшая на переговорах и молча со всем соглашавшаяся, решила выступить против энергетической части, сказав, что это не «энергетический форум».

Конкретно Россия выступила против следующих предварительных тезисов в которых говорилось, что соглашение:

- «подчеркивает настоятельную потребность в немедленном, глубоком, быстром и устойчивом сокращении глобальных выбросов парниковых газов Сторонами во всех секторах. В том числе за счет расширения использования возобновляемых источников энергии, расширения партнерства по справедливому переходу в энергетике и других совместных действий»;
- «признает, что беспрецедентный глобальный энергетический кризис вызывает настоятельную необходимость быстрого преобразования энергетических систем, чтобы сделать их более безопасными, надежными и устойчивыми путем ускорения чистого и справедливого перехода к возобновляемым источникам энергии в течение этого критического десятилетия»;
- «подчеркивает важность увеличения доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе на всех уровнях в рамках диверсификации энергетических

комплексов и систем в соответствии с национальными условиями и признавая необходимость поддержки справедливого перехода»;

При этом, по мнению России, стороны должны быть инклюзивными и избегать оговорок, которые могут ухудшить энергетическую ситуацию для развивающихся стран.

Так, например, переход на возобновляемую энергетику не всем подходит, по мнению делегации есть и другие низкоуглеродные источники. Такие, например, как ядерная энергетика и газ. На которые Россия и делает ставку, поскольку доля ВИЭ в ней ниже 1% в общем энергобалансе.

Удивительным образом возражения России были учтены, а к возобновляемым источникам энергетики добавились и «низкоэмиссионные источники», что стало в какой-то степени победой России по продвижению так называемой «технологической нейтральности».

Война и климат

Во время проведения конференции российские войска методично выводили из строя энергетическую инфраструктуру, а также обстреливали гражданские объекты Украины. Однако российская делегация не касалась этой темы и не давала каких-либо объяснений ни в СМИ, ни на самих мероприятиях конференции, избегая прямых вопросов о репарациях за нанесенный природе и людям Украины ущерб в ходе военных действий.

Тем не менее тема вторжения России достаточно громко звучала на конференции благодаря украинской делегации. Впервые в истории саммита у Украины был свой павильон, основной темой которого стала продолжающаяся война и планы по зеленому восстановлению Украины после ее окончания. Там проводились мероприятия на тему отказа от российских энергоносителей, учета ущерба для окружающей среды от военных действий, в том числе эмиссий парниковых газов.

Никак не комментируя войну, представители российской делегации лишь сокрушались по поводу санкций, которые стали «несправедливым» ограничением международного сотрудничества в области развития низкоуглеродных технологий и что хотелось бы рассматривать климатическую повестку как область международного диалога и сотрудничества.

«Если бы не было ни санкций, ни ограничений, ни каких-то дискриминационных подходов, Российская Федерация могла бы прийти к углеродной нейтральности раньше», — прокомментировал Руслан Эдельгериев.

Он также заявил, что страны Евросоюза не смогут осуществить свой переход на зеленую энергию, потому что они отказались от российского газа.

Эдельгериев сетовал, что мир изменился после конференции в Глазго:

«Мы отдаляемся от выполнения температурных целей Парижского соглашения, упираемся в разногласия по основным вопросам климатической повестки и одновременно наблюдаем введение искусственных ограничений, которые ухудшают качество жизни населения во многих странах».

Тем не менее циничные заявления российской власти, игнорирующие причины, по которым были введены санкции, никого не убедили. Много мировых лидеров в своих выступлениях упомянули вторжение и вызванный им энергетический кризис.

Однако война не стала центральной темой всей конференции, скорее большинство было сосредоточено на вопросах финансирования и адаптации к изменению климата. Это был COP, на котором большое внимание уделялось проблемам стран Африки и подходам стран этого континента к борьбе с изменением климата. Эту риторику поддерживали и развитые страны.

Несмотря на существующий в мире энергокризис подписанты Рамочной конвенции не отказывались от своих обязательств в рамках компенсации потерь и ущерба от изменения климата в наиболее уязвимых странах.

Удалите это из истории

Отдельного рассказа заслуживает официальное мероприятие российской делегации. Оно началось с акции протеста украинских активистов, которые обвинили Россию в военных преступлениях и были выведены из зала.

Казалось, что делегация была готова к такому развитию событий, так как предложила сконцентрироваться на климате, а не на политике. Продолжилось мероприятие выступлениями представителей Минприроды, Росатома, Министерства образования, Российского союза промышленников и предпринимателей и Всероссийского общества охраны природы.

Самым ярким спикером стал **Андрей Мельниченко**, глава крупнейшей угольной компании СУЭК и глава комитета РСПП (Российского союза промышленников и

предпринимателей) по климатической политике и углеродному регулированию, который, несмотря на санкции, входил в состав российской делегации.

В своем выступлении он подверг сомнению необходимость борьбы именно с антропогенными выбросами, которые, по его словам, составляют лишь 6% в углеродном балансе. Чем вызвал недовольство не только рядовых участников конференции, но даже недоумение своих же коллег.

«Углеродный баланс Земли — эмиссия и поглощение парниковых газов — составляет порядка 840 гигатонн CO₂-эквивалента, но все усилия мирового сообщества, в первую очередь стран Запада, по снижению выбросов сосредоточены лишь на антропогенных факторах, а это лишь 6% от всего объема», — заявил Мельниченко.

Он выразил недоумение тем, что другие источники эмиссии и поглощения углерода игнорируются общепринятой моделью.

«Казалось бы, диспропорция очевидна. Но почему же мы поступаем именно так?» — задается вопросом бизнесмен.

До конца непонятно, что имел в виду Андрей Мельниченко. Однако стоит отметить, что в этом году Росгидромет, глава которого и модерировал выступление делегации, выпустил третий оценочный доклад об изменении климата и его последствиях для территории России.

В нем обозначено, что причина всех катастрофических явлений — антропогенный рост концентрации парниковых газов, а гипотезы о доминирующей роли естественных факторов не находят надёжных научных подтверждений. Авторы доклада пишут:

«Российская Федерация должна выполнять свои обязательства в рамках Парижского соглашения и снижать выбросы парниковых газов внутри страны. Помимо сокращения использования углеродного топлива, необходима ориентация на устойчивое сельское хозяйство, энерго- и ресурсоэффективную экономику. Шаги в этих направлениях приведут к развитию не только «чистой» энергетики, но и к переработке отходов и

вторсырья, что создаст спрос на новые рабочие места в этих сферах экономики, а также в строительстве, науке и образовании».

Другие выступления были традиционными для российских мероприятий. В частности, на них ядерная энергетика продвигалась как чистейший источник энергии, игнорируя особенности всего ядерного цикла, начиная от добычи и заканчивая хранением ядерных отходов.

Говорили также о «невероятных» усилиях по борьбе с пожарами, которые скорее можно было бы приписать дождливому лету, но не целенаправленным действиям правительства. Также обсуждали возможность пересчитать потоки углерода в экосистемах на территории России, так как никто не оставляет попыток увеличить поглощающую способность лесов до необходимых для достижения углеродной нейтральности уровней к 2060 году.

На сайте ООН, где публикуются записи всех подобных мероприятий, видео с российского сайд-ивента не оказалось. Показательно, что глава самой делегации пропустил единственное официальное российское мероприятие в рамках конференции, хотя в изначальной программе фигурировало его вступительное слово. Также примечательно, что закончилось российское мероприятие предложением Вячеслава Фетисова, известного хоккеиста и главы Всероссийского общества охраны природы, сыграть в хоккей на атомном ледоколе в Арктике...

За этот сайд-ивент Россия получила награду «Ископаемое дня» от Climate action network, куда входят более тысячи климатических общественных организаций по всему миру, а также была номинирована на «Ископаемое года» за заявления, отрицающие выводы ученых-климатологов и за продвижение ложных решений, тормозящих быстрое сокращение выбросов, а также за энергетический кризис, вызванный вторжением на Украину.

Источники иллюстраций: [Climatenetwork.org](https://climatenetwork.org) и [Daily Mail](https://www.dailymail.com)

Интервью в рамках подкаста The Eurasian Climate Brief со Светланой Романко

Экспертка и соредакторка рабочей группы UWEC Ангелина Давыдова и двое ее коллег Натали Зауэр и Борис Шнайдер являются со-ведущими подкаста The Eurasian Climate Brief. В одном из последних эпизодов они побеседовали со Светланой Романко, юристом-экологом, основательницей и директоркой украинской общественной организации «Razom We Stand».

Светлана рассказала об акциях и кампаниях последних месяцев, направленных на различные цели – от призывов к полному запрету импорта российского ископаемого топлива до противостояния с генеральным директором Total и российскими делегатами на COP 27.

– Как вы думаете, насколько война повлияла на климатический саммит ООН?

С самого начала российского вторжения в Украину и сегодня, во время проведения COP27, нам – украинской делегации, активистам, поддержавших нас во время саммита, многим журналистам, в том числе международным – ясно, что необходимо покончить с глобальной зависимостью от индустрии ископаемого топлива, которая спонсирует военную машину агрессоров. Смертоносные конфликты не только у нас, но и в других частях света, в Африке, Латинской Америке и Азии, финансировались и подпитывались угольной, нефтяной и газовой промышленностью. Эта индустрия спровоцировала вторжение в мою страну в этом году, привела к климатическому кризису, угрожающему будущему человечества. Поэтому мы стараемся сделать так, чтобы об этом говорили во время COP27.

Тема вторжения звучала достаточно громко в первые два дня на саммита. В трехминутных программных докладах почти все мировые лидеры упоминали войну в Украине, однако не предложили конкретных решений.

Поэтому на третий день мы провели пресс-конференцию, целью которой было показать необходимость реальных действий в борьбе с индустрией ископаемого топлива.

- Считаете ли вы, что этот призыв принес результаты?

Я бы сказала, что нам предстоит сделать еще много работы. Нас не смутило то, что этот призыв не был реализован полностью или не был принят во время переговоров COP. К сожалению, я вижу, что происходит – настойчивое требование добычи газа в африканских странах для обеспечения европейского спроса после отказа от российского

углеродного топлива. То есть фактически переориентация рынков. Для меня это стало одним из главных разочарований нынешнего COP27.

Поэтому мы ведем кампанию как против вторжения в Украину, так и против увеличения добычи газа в Африке. Потому что как представители гражданского общества мы хотим не только призвать к отказу от российского ископаемого топлива, чтобы положить конец войне в нашей стране, но и отказаться от ископаемого топлива как такового. Мы не считаем правильным, что добыча должна просто перенестись в другое место.

Кроме того, мы заметили, что лоббисты ископаемого топлива увеличили свое присутствие и составили почти четверть от общего числа климатических переговорщиков. Многие из них были в делегациях России, Саудовской Аравии, а также Объединенных Арабских Эмиратов, которые будут принимать COP28 в следующем году. Для меня такое активное присутствие лоббистов ископаемого топлива – это очень плохой сигнал. Наши партнеры опубликовали исследования, согласно которым на COP27 присутствовало 636 представителей углеродного лобби. Я не думаю, что наличие такого большого количества сторонников ископаемого топлива на саммите поможет нам достигнуть каких-либо положительных договоренностей по отказу от него.

– Можете рассказать нам больше о фокусе украинской делегации в этом году и украинских активистов в частности? Вы говорите о важности постепенного отказа от ископаемого топлива. Как общались между собой украинские чиновники и украинские активисты, насколько их цели совпадали?

Впервые в истории у нас на саммите COP был свой украинский павильон. В его работе участвовали разные политические лидеры, гражданские активисты, а также

журналисты. Мы старались объединить усилия и работать вместе как с чиновниками, так и с представителями общественных организаций. Все диалоги были очень плодотворны и успешны.

Если говорить о Razom We Stand, то на COP 27 мы в основном руководили стратегической коммуникационной работой. Так, в рамках нашего украинского павильона мы провели два мероприятия, посвященных восстановлению Украины с использованием «чистой» климатически нейтральной энергетики. Мы также рассказали о недавно опубликованных нашими партнерами исследованиях данных о российском экспорте, в первую очередь нефти, и о роли Турции в предоставлении возможностей для дальнейшего экспорта российского ископаемого топлива в ЕС и США в обход санкциям. Также наша работа была посвящена тому, чтобы настаивать на полном эмбарго на импорт нефти и газа, что также включало заявления против новых разведок газа и новых газовых инвестиций, которые в случае реализации могут оставить нас в сильной зависимости от ископаемого топлива на многие годы вперед.

Мы также смогли встретиться со многими важными политическими деятелями, которые посещали наш павильон. Например, с **Франсом Тиммермансом**, с которым смогли поговорить о полном эмбарго на газ.

Многие журналисты посетили павильон, что позволило рассказать всему миру о нашей позиции. Мы уже насчитали около 120 публикаций в изданиях, которые ежедневно читает около 20 миллионов человек. Поэтому я считаю, что работа павильона уже можно назвать успешной. Мы также организовали несколько акций вместе с украинской делегацией. Вместе работали и продолжаем работать над тем, чтобы добиться ответственности России за военные преступления, как экологические, так и климатические. Также мы работаем над реализацией повышения наших возможностей по достижению климатических целей и по восстановлению Украины зеленым путем, который мог бы дать глобальный импульс

для перехода во всем мире на чистую энергию.

– Как вы думаете, насколько эти цели имеют шансы на реализацию? Я имею в виду, что сейчас будет очевидный интерес политиков и активистов к тому, чтобы заявить себя на вашей стороне. Так же, как политики стремятся опубликовать фотографии с Гретой Тунберг, например. Как вы думаете, реально ли добиться постепенного отказа от использования ископаемого топлива и трибунала по экологическим военным преступлениям?

Если честно, то я не считаю, что мы просто позируем для фотографий с политическими лидерами. Мы являемся частью принятия политических решений. В частности, оказываем давление на политиков Европейского Союза, а также США, чтобы они продолжали повсеместный отказ от ископаемого топлива. Я думаю, что наши действия могут быть достаточно успешными. Но, как вы знаете, в Украине недавно произошло самое большое отключение света за всю нашу историю, и сейчас восемь миллионов людей не имеют доступа к базовому электроснабжению. В частности, в городе, где я живу. Люди могут пользоваться электричеством только по час-два за день. От войны пострадали не только восточные и южные регионы, но вся страна в целом. Я даже не говорю о многочисленных человеческих потерях и огромных разрушениях многих наших городов и инфраструктуры, включая энергетическую. При этом мы стоим на пороге зимнего сезона, который будет холодным.

Наша главная цель — положить конец войне. Этого можно достигнуть сократив все финансовые вложения в индустрию ископаемого топлива Путина и России. Мы ведем настойчивую кампанию, чтобы добиться этого, и мы уже получили эмбарго на уголь от

ЕС и частичное эмбарго на нефть. Сейчас мы проводим кампанию по ограничению цен на нефть. Мы хотим, чтобы потолок снизился до 20 долларов за баррель.

Мы также проводим кампанию по ограничению цены на газ, по запрету страхования морских перевозок для российских судов, которые все еще транспортируют нефть во многие страны. ЕС остается главным потребителем российского ископаемого топлива, хотя его доля за время вторжения значительно сократилась. Мы не можем серьезно заниматься «зелеными» реформами, пока не закончим войну.

Прекращение инвестиций и деловых связей с Россией в области индустрии ископаемого топлива проложит путь к постепенному отказу от углеродных энергоресурсов по всему миру. То, как мы боремся с одним диктатором и страной, ранее владевшей наибольшими долями нефти и газа и доминировавшими в мировом снабжении ими, на многие годы вперед покажет, как мы можем бороться с диктатурами и энергетическим кризисом.

– Вернемся к самому COP. Вы участвовали в акции протеста во время официального сайд-ивента России, приведшей к лишению вас аккредитации в ООН. Можете ли вы рассказать нам об этом подробнее?

Это была совместная акция многих активистов: украинских, польских, немецких и других. Мы знали, что Россия будет проводить сайд-ивент. До этого российских делегатов мы вообще нигде не могли увидеть. Они были на COP, но не были заметны для нас.

Я уверена, что они проводили свою пропаганду за закрытыми дверями, чтобы «протолкнуть» больше нефти и газа и ослабить санкции против российской экономики.

Во время акции протеста мы говорили правду, называя Россию государством-террористом, которое осуществляет геноцид, пытается и убивает наших людей уже девять месяцев, которое уничтожает нашу природу и климат своей войной, основанной на ископаемом топливе. Убивает не только нас, но и все человечество.

Миллионы людей уже сегодня переживают вызванные войной кризисы. Во всем мире наблюдается рост стоимости жизни. Особенно сильно последствия ударили по наиболее уязвимым слоям населения. Это кризис, который охватил мир. Это разрушение моей страны. И я даже не могу по-настоящему выразить свое горе и негодование, которое мы почувствовали, когда увидели, что российская делегация приехала на саммит и старается делать вид, что ничего не происходит, заниматься своими делами, как обычно, просто беседуя об улавливании углерода с помощью высадки деревьев. О чем они говорят???

Вы ведете против нас войну много месяцев, с жестокостью, которую мы никогда раньше не видели. Вы убиваете нашу природу, разрушаете наш климат ракетами и выбросами. Я даже не говорю о цене, которую платят украинцы, чтобы оставаться стойкими и бороться за свою свободу. Однако никуда не денешь выбросы от обстрелов, военной техники, никуда не денешь выбросы от сожженного на финской границе газа, когда ЕС отказался от его закупки, от повреждения газопроводов «Северного потока»...

На мой взгляд, плохо не то, что газопроводы были повреждены. Изначально плохо то, что они были построены. Вся Европа зависит от российского ископаемого топлива, а российская официальная делегация говорит о выбросах, которые они не планируют сокращать. И о посадке деревьев как способе компенсации... Для меня это просто высшая форма лицемерия. Конечно, мы встали и начали говорить. Я просто сказала, что они не должны быть здесь, а должны стоять перед международным судом и нести

ответственность за экологические преступления и преступления против человечества.

А после нас журналист BBC прямо спросил, собирается ли Россия компенсировать экологический и другие виды ущерба, нанесенные Украине. Его тоже вывели из зала, где проходила встреча, а аккредитацию приостановили.

Поэтому я не думаю, что мы могли бы свободно на публичном мероприятии обращаться к лицам, которые там были, чтобы получить объяснения. Это во-первых. Во-вторых, я совсем не волновалась, потому что мы и так планировали уйти. Мы не желали оставаться и слушать их. Мы просто хотели, чтобы они услышали наши сообщения. Потому что это своего рода справедливость, когда вы говорите напрямую со своим обидчиком. Это позволяет показать миллионам людей, что мы все еще надеемся и боремся за справедливость.

Наконец эта акция попала в национальные новости в Европе и США. Мне говорили люди из Украины и всего мира, что она вдохновила их тоже встать, говорить правду власти и бороться за справедливость.

Когда мы прервали выступление русских чиновников, они прекратили его. Они ничего не говорили, просто слушали, не выражая никаких эмоций, но я думаю, что они, конечно, такого не ожидали. И действительно, молодые активисты, особенно из Украины, присутствовавшие на этом сайд-ивенте, были очень смелыми. Я восхищаюсь этой молодежью, потому что там сидело действительно много людей, и все они встали и начали выходить.

Кроме того, половина присутствовавших на мероприятии были из российской делегации, включая представителей «Газпрома» и «Роснефти». Я счастлива, что они

смогли услышать это обращение.

– Были ли во время COP еще какие-то акции протеста, связанные с войной?

Да, была одна акция против войны, финансируемой продажей ископаемого топлива, за мир и преодоление климатического кризиса, которую мы организовали совместно с различными движениями, в том числе Fridays for Future. Ее осветили многие международные СМИ, ведь это была единственная акция, организованная украинскими активистами и имевшая непосредственное отношение к войне. Конечно, были десятки других акций, в которых мы участвовали как представители гражданского общества. Но на COP27 мы смогли провести мероприятия только внутри саммита, на территории ООН. За его пределами на улицах египетских городов мероприятия не проводились.

– Таким образом, ваши выступления позволили обратить внимание на более широкую тему подавления свободы слова и активизма в Египте. Также мы видели, как вы задавали неудобные вопросы некоторым представителям бизнеса, в том числе представителям компании Total, про их работу в России. Можете ли вы рассказать нам подробнее, что вы спрашивали?

Да, я смогла задать только один вопрос: «Будете ли вы использовать свои кровавые российские деньги для восстановления Украины?» Вопрос был обращен к Патрику Пуянне, генеральному директору Total Energies. Он точно не ожидал этого вопроса, был очень удивлен и ответил, что совместно с многими другими компаниями, включая Wintershall в Германии, British Petroleum в Великобритании, Total планирует вложить свои финансы в восстановление Украины. Я не считаю, что это оптимальное решение, но это то, что можно сделать, чтобы заставить их извлечь урок из того, что нельзя зарабатывать на гибели людей и природы.

– Вы до сих пор общаетесь с ними по этому поводу? Вы продолжаете оказывать давление на компании?

Да. Мы стараемся делать это постоянно. В конце апреля – в мае мы заблокировали собрание акционеров TotalEnergies в Париже. Мы провели акцию с участием многих активистов из международных организаций. Так что эта встреча не состоялась. После этого мы совместно с французскими юристами составили дела и подали в суд против Total Energies за причастность к российским военным преступлениям и их финансированию. Это дело было подано прокурору по статье о терроре и военных преступлений во Франции, и мы ожидаем, что его офис начнет расследование, которое действительно поможет нам доказать, что Total косвенно причастен к поддержке российского военного вторжения.

– Впечатляющая работа. Светлана, впервые с начала климатических переговоров ООН был создан так называемый фонд ущерба и убытков. Что вы думаете об этом, кто будет финансировать этот фонд?

Я могу считать, что это хорошее решение, которое было наконец-то принято после многочисленных запросов от многих активистов гражданского общества и политических организаций. Но мне действительно интересно, как мы смогли договориться по этому вопросу и почему развитые страны не в состоянии сократить свои выбросы и отказаться от ископаемого топлива или инвестировать в эти усилия больше, чем просто возмещать ущерб и убытки странам, которые сейчас борются с последствиями изменения климата.

Как юрист по защите окружающей среды и активистка, я считаю, что было бы гораздо более эффективным решением предотвратить потери и убытки, чем бороться с ними. И,

насколько мне известно, существует большой пробел в обещаниях и их реализации. Так как с 2015 года эти обещанные деньги не поступали в фонды убытков. Поэтому надеемся, что этот инструмент финансовой компенсации все же принесет определенные изменения для наиболее пострадавших стран. Но я думаю, что нам нужно пересмотреть общую структуру того, как развитые страны привлекаются к ответственности за большие объемы выбросов.

– Многие комментаторы ссылаются именно на тот факт, который вы только что указали – на то, что не были приняты реальные даты постепенного отказа от ископаемого топлива, не обозначены решения по данному вопросу. В частности, не было согласовано никаких ограничений. А некоторые комментаторы даже назвали этот COP еще одной упущенной возможностью, еще одним утраченным годом. Поэтому многим наблюдателям показалось, что этот фонд убытков и ущерба является своеобразной компенсацией за то, что у нас нет ограничений на добычу ископаемого топлива. Вы тоже считаете, что это было сделано преимущественно потому, что просто не было политической воли или, скажем, политической возможности ограничить добычу ископаемого топлива на глобальном уровне?

Я считаю, что политическая возможность и определенная сила воли со стороны некоторых стран была проявлена. Мы увидели, например, что Индия только в этом году выразила готовность постепенно отказаться от ископаемого топлива, потому что она была среди 80 стран, поддержавших отказ от ископаемого топлива в окончательном решении.

Это, безусловно, уникальная возможность кардинально изменить нашу экономику, политику, осуществить переход на климатически нейтральную энергию повсюду. С начала полномасштабного вторжения в Украину мы знали, что эта война может стать

ключевым и поворотным моментом в борьбе с глобальным потреблением энергии и климатическим кризисом одновременно.

Это подтвердил и недавно занявший свою должность директор МАГАТЭ. Он заявил, что собранные данные доказывают – перед нами открывается окно возможностей повсеместного перехода на возобновляемую энергию повсюду, нам просто нужно больше инвестиций и больше политической воли. Я думаю, что мы готовы к этому. Правда, сегодня мы вынуждены использовать нашу политическую волю для того, чтобы оказать огромное давление гражданского общества как на спрос, так и на предложения по потреблению ископаемого топлива.

Однако я оптимистка, я не могу сказать, что разочарована саммитом. Это не первый COP, на котором я присутствовала. И я знаю, что разговоры зачастую остаются лишь разговорами, а реальные действия – это нечто другое. Поэтому я на стороне тех, кто призывает не разочаровываться результатами COP, так как это становится плохим сигналом для инвесторов. Видя наше разочарование, они начинают думать, что мы не можем произвести никаких серьезных изменений, чтобы сократить потребление ископаемого топлива. Важно дать им понять, что переход возможен, что мы не должны финансировать углеродную энергетику. Ведь главное изменение, которого мы ожидаем, что крупные финансовые потоки можно будет перенаправить на возобновляемые источники энергии.

И именно так мы сможем освободиться от зависимости от ископаемого топлива, остановить войну, финансируемую ископаемым топливом. Так мы сможем покончить с вторжением в мою страну, сократив до минимума экономические доходы России от продажи нефти, угля, газа, атомного топлива. Пускай углеродное топливо останется в земле. В России все еще есть 20-23 месторождения, которые не были активированы и мы

хотим, чтобы этого никогда не произошло. Это и будет сигналом для всех других политических режимов, основанных на продаже ископаемого топлива, таких как Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Мы должны показать, что сейчас нет возможности создать новую инфраструктуру для нефти, газа и угля.

– Итак, если я вас правильно понял, на самом деле основная работа, по крайней мере значительная ее часть, должна выполняться в период между саммитами. Поэтому нам не стоит слишком сосредотачиваться на определенных неудачах по достижению договоренностей на самом COPe, а сосредоточиться на том, чтобы смотреть, какая реальная работа выполняется в период между встречами.

Конечно, саммит это еще один шанс для нас как для представителей гражданского общества присутствовать на переговорах в официальной зоне COP. Хотя мы имеем другой статус и не можем быть стороной в этих переговорах, мы все еще можем выполнять работу в промежутках между встречами, чтобы усилить и использовать давление на следующем COP.

Вы правы, когда говорите, что до следующего COP, который пройдет в Объединенных Арабских Эмиратах, нужно многое сделать. На COP27 делегация из ОАЭ составила тысячу человек, а то и больше. И мы непосредственно с ними обсудили, чтобы на следующем саммите нам как представителям гражданского общества был предоставлен доступа ко всем лицам, принимающим политические решения.

Если же говорить об Украине, то на этой встрече мы заявили о необходимости отстроить Украину «зеленой», потому что наше правительство сейчас строит планы, как удовлетворить потребности людей, например, в жилье, в отоплении, и так далее. Мы хотели бы выстроить новую экономику, зеленую экономику, которая не будет

базироваться на ископаемом топливе... Сейчас разрушено 40% энергетической инфраструктуры [Украины]. Поэтому мы надеемся, восстановление страны даст всему миру импульс перехода к устойчивым практикам и поспособствует борьбе с нефтяными диктаторами и энергетическим колониализмом.

Источник иллюстрации: [Klassekampen](#)

Принцип хомяка и COP27. Как война изменила климатическую повестку?

Война в Украине актуализировала ряд климатических вопросов, многие из которых страны не смогут решить в краткосрочной перспективе. Что происходит в глобальной климатической повестке и какими были дискуссии во время COP27, объясняет Ангелина Давыдова – экологическая и климатическая экспертка, журналистка, соредакторка проекта UWEC Work Group.

Как связаны война и COP27?

Главными вопросами COP 27 были климатические финансы, адаптация к изменению климата и необходимость дальше снижать выбросы, прежде всего в энергетической сфере, [считает](#) климатическая журналистка **Ангелина Давыдова**.

Негласно обсуждался ещё один аспект – война в Украине и её влияние на климат. Формально она не являлась одной из тем для переговоров, однако упоминалась довольно часто.

Влияние войны огромно, хотя и без него страны не укладывались в целевой показатель Парижского климатического соглашения – ограничить рост глобальной температуры на уровне 2°C к концу века и стремиться к 1.5°C.

Как говорится в Анализе глобальных климатических изменений ([Emissions Gap Report 2022](#)), подготовленном к конференции Программой ООН по окружающей среде (UNEP), велика вероятность, что рост составит 2,5–2,8°C.

При этом дополнительные выбросы парниковых газов за первые семь месяцев войны составили не менее 100 млн тонн CO₂. Это соответствует выбросам Нидерландов за тот же период, полагают авторы исследования [«Климатический ущерб, причиненный войной России в Украине»](#).

События происходящие в Украине, уверена экспертка, существенно влияет на климатическую повестку в Европе и во всём мире. В краткосрочной перспективе это привело к переформатированию рынка ископаемого топлива и структурным изменениям в энергетическом секторе в целом. Но в долгосрочной, подчёркивает Ангелина Давыдова, стратегические цели остаются прежними – достичь климатической нейтральности.

Страны запасаются ископаемым топливом

– Говорят, что в результате войн происходят изменения технологий и фундаментальных идей. Например, концепция прав человека легла в основу многих документов и политик после Второй мировой войны. Наблюдаете ли вы сейчас подобное изменение климатических идей?

Пока идёт война, рано говорить про положительные тенденции или технологические изменения. Но можно рассказать о глобальных изменениях климатической повестки.

Российская военная агрессия во многом финансируется доходами от ископаемого топлива – об этом часто говорят климатические активисты. Казалось бы, война могла бы заставить многих переосмыслить, нужно ли им топливо от стран с таким политическим

режимом и ископаемое топливо в целом. Ведь его поставляет миру только небольшое количество государств.

Но в реальности страны начали вести себя в соответствии с «принципом хомяка» – они стараются максимально заполнить хранилища, закупаясь газом и нефтью у кого только можно. По сути дела, все начали искать новых поставщиков. Строятся LNG-терминалы, новая инфраструктура. На рынке возник ажиотаж, мы наблюдаем рост цен

Какие-то страны перезапустили угольные станции или задумываются над продлением сроков службы атомных станций или даже постройкой новых. Получается, мы отошли в мышлении назад.

Это то, что касается краткосрочных последствий. В среднесрочной и долгосрочной перспективе есть надежда, что война, наоборот, подтолкнёт и поддержит зелёный переход.

Об этом говорит даже Международное энергетическое агентство в своём [исследовании](#), которое вышло незадолго до COP27. А эта организация отличается довольно консервативными взглядами.

Три ключевых тенденции в зелёной энергетике

– Как война может повлиять на скорость развития зелёной энергетики и на расширение сферы её применения?

Развитие зелёной энергетики продолжается, инвестиции в сектор растут, основные регионы, где мы наблюдаем развитие сектора – ЕС, США и Китай. Можно сказать, что в области ВИЭ-электрогенерации мир уверенно идет вперед, доля возобновляемых источников именно в производстве электричества растет. Но остаются и еще важные сектора. Например, отопление или промышленность. В том числе для европейского контекста это очень важный вопрос.

Крупномасштабные системы отопления северных городов, построенные много десятков лет назад, не так просто перевести на другие источники энергии одномоментно.

Второй важный сектор – это энергетика для промышленности, всё, что касается производства, например, стали или цемента. Вопрос, на какие источники переводить эти

производства. Если раньше и сейчас это часто был природный газ, то ближайшей перспективой на будущее видится водород, прежде всего «зеленый», то есть произведенный при помощи ВИЭ.

Третий вопрос – это транспортный переход. До сих пор большая часть автомобилей в мире использует топливо, произведенное на основе нефтепродуктов. В качестве решения первыми в голову приходят электромобили. Но если речь о крупных городах, то надо думать также об устойчивой мобильности. Возможно, автомобиль вообще не нужен, и в условиях города стоит отдать приоритет эффективному и удобному общественному транспорту, системам кар-шеринга, а также вело- и пешеходной инфраструктуре

Война провоцирует вырубki в Южной Америке и добычу газа в Африке

– В контексте поддержки Украины чаще всего говорят про Европу и США. Что вы думаете по поводу влияния войны — оно оказывается только на Европу или на весь мир?

Думаю, что на весь мир. На конференции по климату в Египте, в частности, говорили о снижении политического и медийного внимания к теме климата в целом, а также о сокращении средств климатического финансирования, выделяемого странам Глобального Юга – из-за роста средств, направляемых на вооружение. Можно [назвать](#) и множество других не прямых последствий, часть из них касается, в том числе, Африки, где проводился COP27.

В регионе, где до сих пор миллионы людей не имеют доступа к каким-либо источникам энергии, ряд международных компаний хочет развивать проекты по добыче газа – с целью последующего экспорта в условные страны Глобального Севера.

Все эти планы получили резкую критику со стороны экологов на конференции ООН по климату. Например, была запущена кампания [Don't Gas Africa](#). Эксперты и активисты говорили о так называемых stranded assets, то есть об инфраструктуре, которая будет использоваться для целей глобальных компаний и других стран на протяжении 20-30 лет.

Также глобальные последствия войны связаны с мировым рынком продовольствия. Существенно сократились поставки зерновых культур и удобрений из России, Беларуси и

Украины. В этих условиях многие другие страны думают о расширении посадок пшеницы и других культур, или о производстве удобрений.

Например, в ряде стран Латинской Америки весной обсуждались планы дальнейших вырубок лесов с целью расширения пашни. Также некоторые государства объявили о планах увеличения добычи карбоната калия (поташа) с целью производства удобрений – в том числе, на территориях, принадлежащих коренным группам населения. Предполагается, что и новое продовольствие, и новые удобрения смогут заместить на мировом рынке выбывающие поставки из России, Беларуси и Украины.

Слон в комнате климатических переговоров

– Скажите, в достаточной ли мере события в Украине повлияли на повестку климатической конференции?

Официально война не вошла в повестку, но неофициально она действительно обсуждалась. В своих [публикациях](#) я назвала это «слоном в комнате» – тем, о чём не говорят, но оно всё равно присутствует. Украинская делегация впервые в истории климатического саммита имела свой павильон и провела целый ряд мероприятий об экологических и климатических последствиях войны.

Российская делегация вела себя так, как будто никакой войны не было. Официальные лица и компании призывали развивать международное климатическое сотрудничество, не исключать страны из климатической повестки, отменить санкции, технологические и торговые ограничения, затрагивающие низкоуглеродные или другие «зеленые» технологии, не закрывать мировые рынки для российских металлов, необходимых для глобального энергетического перехода, и для удобрений.

Подобные высказывания вызвали критику со стороны международного гражданского общества – РФ дали три анти-награды «Ископаемое дня», плюс украинские активисты провели несколько акций против выступлений официальных представителей РФ.

– Актуальность какой из климатических проблем сильнее всего изменила война в Украине уже сейчас? Это парниковые выбросы, использование ископаемого топлива или что-то ещё?

Мне кажется, что это комбинация прямых и непрямых последствий войны. Прямые – это локальные дополнительные выбросы парниковых газов в результате военных действий, разрушения инфраструктуры, уничтожения экосистем – то, что много обсуждалось на конференции COP 27. Непрямые – это всё то, о чём мы говорим сейчас: как меняется глобальный энергетический и продовольственный рынок, степень интереса к теме климата в целом и объём выделяемых денег.

Источник иллюстрации: [Worldfuturecouncil](#)

UWEC Work Group
2022